

Василь Пиксель

Миры между

Книга 3. Бесконечная ночь

↑ Выход

Платформы →

Офисы →

Василь Пиксель

Миры между.
Бесконечная ночь. Книга 3

«Автор»

2026

Пиксель В.

Миры между. Бесконечная ночь. Книга 3 / В. Пиксель —
«Автор», 2026

Иногда знакомое лицо ничего не доказывает. Память хранит прикосновения, разговоры, общие дни и те мелочи, по которым мы безошибочно узнаём близкого человека. Но достаточно ли этого, чтобы сказать: я знаю тебя? «Бесконечная ночь» третья книга цикла «Миры между». История о памяти и узнаваемости, о любви к живому человеку, а не к собственному представлению о нём. И о границе, за которой поиск потерянного может заставить перестать видеть того, кто стоит прямо перед тобой.

© Пиксель В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Другой	6
Пролог. После света	6
Глава 1. Он здесь	8
Глава 2. Второе июня	13
Глава 3. Чужие три года	19
Глава 4. Наши дни	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василь Пиксель

Миры между. Бесконечная ночь. Книга 3

Василь Пиксель

«Миры между»

Книга 3. «Бесконечная ночь»

Часть I. Другой

Пролог. После света

Кассиан не ответил.

Сайа позвала ещё раз и прикусила губу, чтобы не звать сразу следом. Нужно было услышать его. Воздух с трудом входил в грудь, шумно выходил через нос; она задержала дыхание, но тогда в ушах стало биться сердце. Ни шагов, ни шороха ткани. В остановившемся городе она ждала звуков от вещей, которые видела перед собой. Здесь нельзя было даже понять, есть ли поблизости хоть что-нибудь, кроме неё.

Указательный палец болел. Под конец Кассиан держал его обеими ладонями, и Сайа ещё помнила тесное горячее кольцо у сустава. Она пыталась согнуть палец, зацепиться, удержать хоть какое-то прикосновение. До этого сама схватила Кассиана за запястье второй рукой, но та соскользнула раньше. Теперь Сайа сжала кулак и тут же разжала. Боль оставалась на месте, хотя того, кто причинил её, уже нельзя было нащупать.

– Кассиан!

Она повернула голову, ожидая, что голос вернётся хотя бы откуда-нибудь сбоку. Крик затих у самых губ. Сайа попробовала повернуться всем телом: напрягла живот, отвела плечо, вытянула ногу. Ничего перед глазами не изменилось. Земля исчезла ещё тогда, когда они держались друг за друга, однако и падения она больше не чувствовала. Одежду никуда не тянуло, желудок не подступал к горлу. Направления приходилось придумывать заново при каждом движении.

Сайа поднесла руку к лицу и попала пальцем в щёку. Провела по носу, нащупала губы, убрала прилипшую прядь. Волосы выбились из свободно собранного хвоста, резинка всё ещё держалась. Под пальцами на шее часто бился пульс. Она ощупала ворот, плечи, карманы куртки, которую Кассиан отдал ей на холме. Ткань была знакомой. На мгновение захотелось уткнуться в неё лицом и больше ничего не проверять.

Телефона при себе не оказалось. Она и раньше это знала: оба телефона остались дома, перед тем как они отправились ждать закат. Там же лежали газета с первым июня и книга с двумя портретами. Сайа почти увидела её на столе. Стоило представить комнату, как в ней появилось всё остальное: край дивана, ножка кресла, карандашная отметка солнечного пятна на полу. Кассиан присел возле неё, подвинул листок, собираясь снова что-то посчитать. До вечера тогда оставалось так много времени, что Сайа успела рассердиться на самую необходимость считать.

Она провела большим пальцем по больному суставу. Вспомнилась речная вода: круги от руки сначала разбегались привычно, потом замедлялись, и Сайа следила за ними, стоя на коленях у берега. На скамье она долго не решалась придвинуться к Кассиану, хотя места рядом почти не оставалось. Поцеловала его позже, на пледе под деревьями. Он выдохнул своё «Ну вот», и ей захотелось одновременно засмеяться и поцеловать его ещё раз. Река за его плечом продолжала течь с той же мучительной медлительностью.

– Кассиан, – позвала Сайа так, как звала из кухни.

Она ждала скрипа кресла. Он мог отозваться не сразу, дочитывая страницу, или спросить, что случилось, ещё до того, как встанет. От этого ожидания стало совсем плохо. Сайа закрыла глаза и попыталась вспомнить последнюю секунду на холме. Его голос ещё был рядом, когда уже нельзя было увидеть лицо. Последним ясным словом оказалось её имя. Потом послышался другой, оборванный звук, но разобрать его она не успела. Она мысленно повторяла собственное имя его голосом, надеясь услышать продолжение.

Слеза добралась до виска. Сайа вытерла её рукавом и провела ладонью по всей щеке, сердясь на себя за то, что следит, куда течёт слеза, когда нужно искать человека. Поиск, однако, пока сводился к одному: крикнуть и подождать. Она заставила себя выдохнуть до конца. Следующий вдох получился глубже, ещё один – почти обычным. Сердце перестало биться у самого горла.

Сайа развела руки, вытянула носки, потом хлопнула в ладоши. Близкий сухой звук напугал её и сразу успокоил. Она могла его вызвать. Могла коснуться собственного плеча и знать, что коснулась именно плеча. Кассиан наверняка предложил бы начать с этого. Она вспомнила его деловитое «Так», которым он предвещал очередную проверку, и попыталась произнести тем же голосом:

– Тело есть. Говорить могу. Себя слышу.

Пауза получилась слишком длинной. Добавить «тебя не слышу» удалось уже шёпотом. Сайа прижала ладони к лицу, переждала приступ плача и решила считать вдохи между попытками. Если звать без перерыва, его ответ можно пропустить. После пяти вдохов она позовёт снова. Если пяти окажется мало, подождёт дольше.

В эти промежутки лезли мелочи, о которых раньше она никогда не вспоминала отдельно. Кассиан переставлял чашку от её локтя ещё до того, как Сайа садилась. Поначалу ставил туда, где ей было неудобно, и удивлялся: стол большой, можно же сесть иначе. Она смеялась, объясняла, потом перестала замечать. В какой-то момент и он научился молча отодвигать чашку. Всё их долгое лето теперь помещалось в этом коротком движении, которое ей ужасно хотелось увидеть ещё раз.

Что-то задело ногу.

Сайа вскрикнула, дёрнулась и ударила ладонью по твёрдому. Остановилась. Осторожно повела рукой перед собой: прохладная гладкая поверхность, дальше край. Она ухватила за него обеими руками. Под большим пальцем нашла царапину, и Сайа принялась водить по ней, пока не убедилась, что край никуда не исчезает. Похоже на стол. Если это стол, под ним должен быть пол. Она потянулась ногой вниз, но пока ничего не достала.

Пальцы столкнулись с небольшим предметом. Он качнулся, стукнул и устоял. Сайа нащупала округлую стенку, ручку, ободок; коснулась жидкости и отдёрнула руку. Тёплая. Запах пришёл чуть позже – кофе, слабая горечь, молоко. Она наклонилась над чашкой и вдохнула. Где-то совсем недавно этот кофе приготовили, налили, принесли. До сих пор Сайа боялась пустоты. Теперь она боялась узнать, кто находится рядом со столом.

Под бёдрами появилась опора. Спина упёрлась в спинку стула, подошвы встретили пол. Сайа надавила пяткой, сильнее перенесла вес на сиденье; всё выдержало. По шее прошёл прохладный воздух. Вдалеке звякнула посуда, ещё раз, ближе, потом кто-то громко рассмеялся. Сайа закрыла уши. Несколько секунд назад ей казалось, что она отдала бы что угодно за человеческий звук, а сейчас хотелось попросить всех замолчать.

Она убрала ладони. За спиной прошли, у соседнего стола заскрипел стул. Снаружи проехала машина, и по шороху шин наконец удалось понять, в какой стороне улица. Темнота тоже менялась. Сначала в ней проступило мутное пятно, затем белая дуга чашки. Сайа часто заморгала. Показались стол, блюдо, её пальцы, вцепившиеся в край. Возле сахарницы лежала сложенная салфетка, а дальше, на противоположной стороне, возникла чужая рука.

Сайа узнала её прежде, чем смогла разглядеть лицо. Костяшки, короткие ногти, светлая линия у большого пальца. Эта рука всегда чуть наклоняла чашку, прежде чем взять за ручку. Человек напротив что-то сказал; слов Сайа ещё не разобрала, но голос заставил её выпрямиться. Она медленно подняла глаза.

Напротив сидел Кассиан.

Глава 1. Он здесь

Сайа смотрела на него, боясь пошевелиться. После темноты лицо было неправдоподобно отчётливым: короткие тёмные волосы, чуть примятые сбоку, светлые волоски на виске, щетина вдоль челюсти. Кассиан свёл брови. Так он делал, когда задавал вопрос и не понимал, почему ему не отвечают. На рубашке у ворота лежала маленькая складка, и Сайе хотелось разгладить её, коснуться шеи, убедиться, что можно дотронуться до всего, что она видит.

– Сайа? Ты слышишь?

Она протянула руку через стол. Он подал свою так охотно и просто, что у неё перехватило дыхание. Развернул кисть, устраивая её пальцы между своими. Сайа стиснула их, большим пальцем провела по костяшкам и сжала ещё сильнее. Кассиан поморщился, но не отдернулся.

– Что с рукой? Болит?

Она не сразу поняла вопрос. Её указательный палец по-прежнему ныл, однако держать его руку было важнее. Тёплая кожа, ответное давление, едва заметное движение сухожилия под запястьем. Он оказался здесь. Сайа открыла рот, собираясь объяснить, как искала его, и вместо этого попросила:

– Скажи что-нибудь.

– Что-нибудь, – послушно ответил Кассиан.

Она почти засмеялась. Сейчас он спросит, сколько времени прошло, где она оказалась, что успела увидеть. Сайа сама не знала, на какой вопрос ответить первым.

– Ты помнишь закат?

– Какой?

– На холме. Мы были вдвоём.

Кассиан перестал улыбаться. Подвинулся ближе, не выпуская руки, и Сайа торопливо добавила, что они ждали этого заката около полугода. Он смотрел на неё так внимательно, что она запнулась. Взгляд был узнаваемым, только направлен совсем не туда. Кассиан явно пытался понять, почему она говорит странные вещи за столом в кафе.

– Сайа, про какой холм ты сейчас говоришь?

Она назвала время. Семь сорок пять. Потом семь сорок шесть. Он повторил второе число и пожал плечами: следующая минута, что ещё? Сайа ждала хотя бы короткой заминки, но Кассиан только осторожно пошевелил зажатой рукой. У него побелели кончики пальцев. Она выпустила их и прижала ладонь к столу, к царапине, которую нащупала ещё в темноте.

В кафе тихо играла музыка. У соседнего стола женщина попросила воды без газа; официант прошёл мимо, выслушал её и вернулся к стойке. Сайа проследила за ним до конца. За окном мужчина придержал дверь прохожей, та поблагодарила, поправила ремень сумки и ушла. Всё успевало произойти, пока Сайа смотрела. Стакан достигал губ, пальцы отпускали дверную ручку, люди заканчивали начатый шаг. Отвыкшая от такой скорости, она не сразу смогла снова сосредоточиться на человеке напротив.

– Фонтан, – сказала она. – Помнишь воду? Границу города? Реку?

Кассиан покачал головой. Когда она заговорила о солнечном пятне и карандашной черте на полу, он переспросил, зачем они её рисовали. Хотелось ответить: ты же сам придумал. Сайа уже набрала воздух, но остановилась. Он ждал объяснения. У этого человека, сидящего рядом с остывающим кофе, в вопросе не было ни притворства, ни попытки её подразнить.

– Проверяли, как идёт время.

Кассиан потёр лицо ладонью и попросил назвать место, в котором она находится. В кафе – это она видела. Как кафе называется, не знала; адрес тоже не пришёл на ум. Город и год назвала без труда. Он осторожно спросил, не болит ли голова, нет ли тошноты, не падала ли она. На последний вопрос Сайа ответила утвердительно, и Кассиан сразу выпрямился.

– Где? Ударилась?

– Я ни обо что не ударилась. Там нечего было ударить.

Он помолчал.

– Ладно. С этого места поподробнее.

Сайа отвернулась к окну. Эта интонация была знакома ей лучше любого адреса: он терпеливо просит уточнить, потому что пока не понимает, что делать. Ей вдруг стало обидно на него за спокойствие, и она с усилием напонила себе, что он ничего не знает. Кофе перед ним ещё несколько минут назад был частью обычного утра. Может быть, до её появления они о чём-то разговаривали. Она даже не спросила о чём.

– Какое сегодня число?

– Первое июня.

Сайа резко повернулась к часам над стойкой. Секундная стрелка шла короткими толчками. Кассиан достал телефон и показал ей: 11:23. Пока она смотрела, цифры сменились. На настенных часах минутная стрелка тоже сдвинулась. Первое июня продолжалось, но минута прошла за минуту. Она ещё не знала, хорошая это новость или плохая. Чтобы проверить день целиком, придётся дождаться вечера.

* * *

Кассиан заказал воды и подвинул стакан к Сайе. Она обхватила его обеими ладонями. Вода была холодная; от стекла постепенно остывали пальцы. Кассиан дождался, пока она делает несколько глотков, и спросил, что было сегодня до кафе. Сайа рассказала о другом первом июня. Он взглянул на часы и кивнул.

– Хорошо. Пытаюсь понять.

– Ты всегда так говоришь, когда не понимаешь.

Он замер с чашкой возле губ. Сайа слышала собственную фразу уже после того, как произнесла. Слишком домашнюю, нетерпеливую; так можно было оборвать знакомое рассуждение человека, с которым прожил месяцы.

– Всегда? – спросил Кассиан.

– Другой ты.

Чашка негромко стукнула о блюдо. Он попросил рассказать, и Сайа чуть не начала с самого начала: утро, пустые улицы, вода, которую можно рассматривать, пока она падает. Затем квартира, еда, длинное лето, которое они поначалу собирались провести в ожидании. У неё перед глазами оказался плед, лицо Кассиана совсем близко. Об этом она сейчас говорить не смогла.

– Сколько ты меня знаешь?

Он несколько секунд молчал, потом ответил, что почти три года. Через два месяца будет три. На вопрос, вместе ли они, ответил уже не сразу. Подбородок чуть напрягся, и Сайа заметила, как он перестал теревить край салфетки.

– Да. Два с половиной года, если нужна точность.

– Сейчас нужна.

– Обычно ты с ней охотнее споришь.

Сайа подняла глаза. Он не улыбался. Тот Кассиан тоже мог бы сказать что-нибудь похожее, но за этой фразой стояли случаи, о которых она ничего не знала. Она попросила рассказать, какой кофе любит, почему они сели именно здесь. Без сахара, иногда с молоком; у этого окна свет не бьёт в глаза. Она посмотрела на стол и поняла, что вполне могла бы выбрать его сама. Это ничего не вернуло в память.

– Ещё что-нибудь, – попросила она.

Кассиан потёр большим пальцем блюдо.

– Ты потеряла мои ключи. Два месяца уверяла, что я сам их куда-то убрал.

– Нашлись у меня?

– В рюкзаке.

– Ты ведь мог сам положить их в мой рюкзак.

Кассиан впервые улыбнулся без опаски.

– Именно так ты и сказала.

Она засмеялась вместе с ним и тут же умолкла. Рюкзак, ключи, его выражение лица – всё уже успело сложиться в воображаемую сцену. Сайа могла придумать её ещё подробнее, до цвета пола, на который высыпала содержимое. Только вспомнить не могла. Ей стало холодно, и она обхватила себя руками, потёрла локти сквозь лёгкую ткань. Куртки с холма на плечах не было. На ней была другая одежда; до этой минуты она даже не посмотрела, какая.

Кассиан потянулся к её лицу. Сайа отшатнулась, стул скрипнул по полу. Его рука задержалась на полпути, потом опустилась на стол. Несколько мгновений оба смотрели на эту руку.

– Извини, – сказал он.

– Я не помню, что тебе можно меня трогать.

Он вдохнул и опустил глаза. Фраза прозвучала жёстче, чем ей хотелось. Сайа провела пальцами по волосам, подбирая поправку. Сказать «я не это имела в виду» было бы неправдой: именно это. Но ещё несколько минут назад она сама хватала его за руку, причиняла боль, требовала заговорить. Он не мог знать заранее, в какой момент это перестанет быть допустимым.

– У тебя есть эти годы, – сказала она наконец. – А у меня их нет. Я всё время узнаю тебя и тут же понимаю, что ничего не знаю.

Кассиан кивнул. На её заверение, что она не считает его лжецом, ответил:

– Ты пока выясняешь, что именно я могу знать.

– А ты на моём месте не выяснял бы?

– Возможно. Но я сейчас здесь, на своём.

Он положил обе ладони на стол, оставив ей достаточно места, и снова попросил рассказать всё, что она помнит. Сайа начала с остановившегося утра. Кассиан не перебивал, даже когда она дошла до городской границы. Они с тем Кассианом решили увидеть следующую минуту, время ненадолго стало обычным, а затем начало тянуться так медленно, что за оставшийся до заката день прошли месяцы. Сайа поймала себя на том, что всё объясняет расчётами, и остановилась.

– Мы там жили. Я сейчас рассказываю так, будто только измеряли и ждали, но большую часть времени мы просто жили.

Она назвала несколько простых вещей: готовили, спали, ходили к реке, спорили из-за расписания. Кассиан слушал, иногда смотрел в окно, потом снова на неё. На словах о закате Сайа замолчала. Перед глазами оказались его ладони, сомкнутые вокруг её пальца, и произнести следующее оказалось трудно.

– Ты видела, что с ним случилось? – спросил человек напротив.

Она впервые услышала, что он говорит о Кассиане как о другом мужчине.

– Нет. Он позвал меня, потом я перестала его слышать. Здесь сначала нащупала стол. Потом увидела тебя.

– Я этих месяцев не помню, Сайа.

– А я не помню твоих лет.

Кассиан посмотрел на часы, и Сайа вдруг представила, как для него начался этот день: вышли вместе из дома, пришли пить кофе, разговор оборвался. Теперь она пугается прикосновений и заставляет его доказывать знакомство. Сайа тихо попросила прощения. Он пожал плечами: она ведь не нарочно забыла. Взял чашку, отпил холодный кофе и поморщился. Ей захотелось заказать ему новый, но она боялась, что тогда не сможет встать и уйти.

– Мне нужно пройтись. Одной.

Кассиан снова заговорил о враче. В его голосе появилась настойчивость; Сайа понимала её и всё равно раздражалась. Он спросил, помнит ли она свою работу, знакомых, вчерашний

день. Она не ответила. Несколько минут назад ей было неизвестно, что здесь вообще есть вчерашний день, который от неё ждут. Она пообещала написать, если станет хуже, и повторила, что сейчас хочет выйти одна.

– Тогда возьми сумку, – сказал он.

Она висела на соседнем стуле. Внутри обнаружились кошелек, связка ключей, телефон с потёртым чехлом. Сайа повернула ключи на кольцо, заметила маленькую вмятину на металле. Ни их вес, ни короткий звон ничего не напомнили. Она положила связку обратно. Кассиан поднялся первым, взял лёгкую куртку со спинки стула и спросил, можно ли написать через час. Сайа согласилась.

Уходя, он едва заметно наклонился к ней и остановил движение. Мог собираться поцеловать, коснуться плеча, сказать что-нибудь совсем близко. Он выпрямился, ещё раз извинился и пошёл к выходу. В дверях обернулся. Сайа смотрела ему вслед и больше всего хотела бы увидеть хоть одну нарочитую, плохо сыгранную мелочь. Однако человек за стеклом просто медлил, прежде чем оставить её одну.

* * *

На улице было тепло. Сайа шла без определённой цели, но у одного перехода свернула вправо ещё до того, как разглядела ограждение дорожных работ. Остановилась. Может быть, увидела его краем глаза; может быть, знала эту улицу. Она не сумела повторить движение так, чтобы различить одно и другое. У магазина рука сама потянулась к сумке, и Сайа снова замерла, сердясь на собственное тело за то, что оно обходилось без объяснений.

В витрине отражалась уставшая женщина с растрёпавшимися каштановыми волосами. Несколько светлых прядей выбились у лица; глаза от слёз казались светлее обычного. Сайа поправила волосы. Отражение повторило движение сразу, как и должно было. За отражённым плечом быстро прошёл мужчина с пакетом. Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся за припаркованным фургоном, потом отвернулась от стекла.

Город продолжал заниматься своим. Курьер спорил по телефону и чуть не налетел на коляску; девочка требовала у матери мороженого. Официант на веранде уронил вилку, выругался и полез под стол. Сайа следила за каждым, ожидая повторившегося жеста или движения, которое выдаст заранее приготовленную сцену. В итоге у неё заболела шея от постоянных поворотов головы. Она зашла к газетному киоску и попросила два разных выпуска.

Оба были датированы первым июня. На нижней полке нашлась газета за тридцать первое мая. Сайа развернула её, проверила число ещё раз и спросила о завтрашней.

– Завтра и приходите, – сказала продавщица поверх очков.

– Логично.

Сайа купила сегодняшний выпуск. Бумага была свежая, у пальцев остался запах краски. Та газета, которую они хранили дома долгие месяцы, давно истёрлась на сгибах. Сейчас она несла под мышкой такой же упрямый июньский день, но у него имелось вчера. Если продавщица права, будет и завтра.

На рекламном щите загорелось: «Счастье – это то, что у тебя уже есть». Сайа остановилась так резко, что идущая следом женщина обошла её с недовольным вздохом. Кофе у окна, Кассиан, почти три года – надпись слишком легко складывалась с ними в одну фразу. Она дождалась смены рекламы. Объявление об одежде сменилось рекламой телефона. Когда слоган вернулся, Сайа заметила логотип в углу. Реклама повторялась для всех, кто проходил мимо.

Её телефон завибрировал. Экран узнал лицо и открыл сообщение Кассиана: «Как ты?» Она ответила, что ходит и проверяет этот день. На вопрос, как успехи, написала: «Пока подозрительный». Ответ пришёл с небольшой задержкой: «Первое июня давно подозревало, что ты к нему несправедлива».

Сайа рассмеялась. Тут же подумала, как легко удержать её знакомой интонацией, но эта мысль уже не объясняла всего. Он мог просто пошутить. Мог ждать ответа и тоже немного

обрадоваться, получив от неё что-то, кроме нового вопроса о собственном существовании. Она убрала телефон в сумку и пошла дальше, стараясь хотя бы несколько минут смотреть перед собой.

До вечера Сайа успела вернуться на одну улицу с другой стороны, сверить часы в аптеке, на остановке и в телефоне. Они расходились на минуту или две. Люди, которых она запомнила утром, не появлялись снова в тех же местах. К вечеру заболели ступни, и Сайа села в сквере, вытянув ноги. У неё оставалась одна понятная проверка – полночь. Если всё повторится, она хотя бы узнает об этом.

Кассиан спросил, где она и собирается ли домой. Сайа долго смотрела на последнее слово. Конечно, здесь должен быть дом: место для вещей, фотографий, постели, в которой эти двое спали ещё сегодня. Она ответила, что собирается, но одна. Он написал «Понял», а через минуту добавил, что останется на связи, если понадобится.

В сквере мальчик умчался на самокате вперёд, и мать сердито позвала его обратно. Две женщины делили покупки, перекладывая банки из тяжёлого пакета в сумку. Чуть дальше мужчина кормил голубей под табличкой, запрещающей кормить голубей. Никому не было дела до Сайи. Солнце заметно опустилось, пока она сидела. Она сложила газету и убрала её к ключам. До полуночи оставалось несколько часов. Теперь нужно было узнать, что будет после неё.

Глава 2. Второе июня

Дом нашёлся в телефоне. Возле точки на карте так и было написано: «Дом». Улица показалась знакомой, но ни поворот, ни здание Сайа представить не смогла. Она вызвала машину, ещё раз проверила адрес и до самого приезда водителя держала карту открытой, словно точка могла исчезнуть. Газета шуршала в сумке при каждом движении. Первое июня заканчивалось, а ей предстояло войти туда, откуда она, по словам Кассиана, вышла утром.

Машина остановилась у светлого восьмиэтажного дома возле старого центра. На одном балконе сушилось бельё, этажом выше из окна высывалась рука с сигаретой. Женщина с двумя пакетами придержала Сайе дверь подъезда. Уже внутри та обнаружила на связке электронный брелок и почувствовала себя нелепо: могла войти сама, но снова воспользовалась чужим движением. В лифте пахло влажной тряпкой. На шестом этаже она сверилась с номером квартиры и достала ключи.

Их было четыре. Первый не подошёл; второй легко повернулся в верхнем замке, третий открыл нижний. Сайа ещё несколько секунд стояла, держась за ручку. За день она проверила множество вещей, но ни одна не подействовала на неё так, как замок, послушно принявший незнакомый ключ из её сумки. По ту сторону двери темнела прихожая. В глубине квартиры тихо гудел холодильник.

Она включила свет. Пахло стиральным порошком, кофе, оставшейся со вчерашнего дня едой. На полке стояли мужские ботинки и женские туфли, под крючками теснились две пары уличной обуви. Тёплая куртка Кассиана здесь была другой, чем та, с которой он ушёл из кафе. В миске под зеркалом лежали мелочь, заколки и записка «Купить фильтры». Почерк Сайа узнала сразу. Она оставила ключи рядом, потом передумала и убрала их обратно в сумку.

Поначалу она только ходила по квартире. Не выдвигала ящиков, не открывала шкафов. На диване лежала кофта, у окна подсыхал цветок; одна ветка клонила к стеклу, другая осталась голой. Возле телевизора спутались провода. Книги стояли вперемешку, между двумя томами торчал старый чек. Сайа узнавала названия и тут же ловила себя на желании решить по ним слишком многое. Такую книгу она могла купить. Но могла и пройти мимо. По корешку этого не выяснить.

В ванной оказались две щётки, бритва Кассиана, начатый крем. Возвращаясь, Сайа заметила под батареей тёмный носок. Присела, вытащила его за резинку и постояла с находкой в руке. Она ещё была готова вообразить, что кто-то расставил для неё щётки и подобрал книги. Зачем понадобилось бы бросать носок под батарею, придумать не получалось. Сайа положила его на край корзины для белья и пошла в спальню, злясь на себя за то, что придаёт одному носку столько значения.

Покрывало лежало неровно. У окна подушка была сдвинута выше; на тумбе рядом стояла вода, лежали книга и зарядный провод. У второй тумбы нашлись крем для рук, резинка, несколько листков, кабель другого типа. Сайа села на край кровати и провела ладонью по ткани. Здесь спал Кассиан. Утром поднялся, взял телефон, ушёл на кухню. Теперь он не знал, разрешат ли ему вернуться вечером, а она сидела на его месте и ждала, что покрывало что-нибудь ей напомнит.

Воображение работало охотно. Сайа могла поставить себя у окна, усадить его с книгой, придумать разговор перед сном. Ничего не возникало раньше, чем она успевала придумать. Она пересела на другую половину, потом встала. В комнате было слишком тихо. Хотелось занять руки чем-нибудь простым, и на кухне Сайа налила воды, хотя стакан в кафе помнила до сих пор. Отставила его и открыла телефонную галерею.

Снимков было больше двадцати тысяч. Еда, улицы, рабочие фотографии, скриншоты, непонятные крупные планы. Кассиан шурился возле незнакомого здания, спал в поезде, сидел

на полу среди коробок. На одном кадре Сайа смеялась, на другом отворачивалась от камеры с сердитым лицом. Были фотографии, на которых они просто устали: сидели рядом, каждый глядя в свою сторону, и никто не пытался выглядеть счастливее.

Она пролистала полгода, потом год, добралась до начала их знакомства. На ранних снимках между ними оставалось больше места. Потом в кадре стали появляться его рука, куртка на стуле, половина лица в зеркале – вещи, которые уже не требовали отдельного повода. За месяц до названного Кассианом времени его не было совсем. Сайа вернулась к первому совместному снимку и увеличила своё лицо. Светлые глаза щурились, пряди касались щеки, один уголок рта поднялся чуть выше другого. Она узнавала эту улыбку. Вспомнить, кому улыбалась за секунду до снимка, не удавалось.

От долгого движения по экрану заболел большой палец. Сайа поставила телефон на стол, оперев о стакан, и попробовала смотреть на один снимок подольше. Всё время хотелось листать: следующий окажется понятнее, там будет знакомое место, найдётся хоть одна секунда, которую не нужно разгадывать. Она задержалась на фотографии Кассиана в поезде. Его голова неудобно склонилась к окну. Сайа поймала себя на желании подложить что-нибудь под щёку и только тогда закрыла галерею.

В переписку она вошла не сразу. Сегодняшние сообщения были её собственными, ещё хранили недавние паузы. Выше начиналось чужое утро. Кассиан напоминал про документы и спрашивал о фильтрах. Сайа посмотрела в сторону прихожей. Записка осталась в миске, и теперь к ней прибавилось ещё одно свидетельство, которого никто специально не предъявлял. Вчера они обсуждали ужин: она уверяла, что всё есть дома, а через сорок минут сама прислала ссылку на доставку. Кассиан ответил смеющимся значком.

Ближе к началу знакомства фразы становились длиннее, время и место встреч приходилось уточнять. Сайа листала вперёд и наблюдала, как слова постепенно отпадают. Оставались короткие просьбы, фотографии без пояснений, вопросы, понятные двоим. Зимой нашлась ссора. Сайа прочитала свои сердитые сообщения, но не поняла, почему так добивалась одного определённого ответа. Кассиан злился на необходимость угадывать. Они обменялись несколькими длинными фразами, затем почти три дня не писали друг другу.

На четвёртый появилась фотография чашки: «Кажется, мы оба уже достаточно убедительно доказали, что умеем молчать». Он ответил: «Я мог ещё». Она написала, что не сомневается. Через полчаса Кассиан спросил, будет ли она дома. Дальше шли обычные дни. Разговор, ради которого он приехал, в телефоне не сохранился.

Сайа закрыла лицо ладонями. Она узнавала собственную злость, привычку поддеть первой, пока страшно попросить прямо. Но не помнила, как ждала сообщения и как открыла дверь. От чтения всё делалось подробнее, а приблизиться к этому не удавалось. В календаре обнаружились поездки, чужая свадьба, оплата жилья. Сюда они переехали полтора года назад. Значит, прежде был ещё один дом. Сайа принялась искать его адрес и остановилась только тогда, когда на экране всплыло сообщение из общего чата.

Их с Кассианом спрашивали, придут ли они в субботу. Следом кто-то попросил его не говорить в этот раз «на час», потому что все уже знают его час. Появились смеющиеся реакции. Сайа читала имена людей и пыталась угадать, кого только что видела в галерее. Они собирались куда-то через несколько дней. Она должна была знать место, время, что принести с собой. Ответить так, чтобы никого не насторожить, оказалось труднее, чем открыть дверь чужими ключами.

Почти сразу написала женщина: «Ты пропала. Всё нормально? Кассиан утром сказал, что ты какая-то странная». На фотографии профиля Сайа узнала лицо из галереи; на других снимках они вместе сидели у воды и обнимались за столом. Она набрала: «Пока разбираюсь. Потом расскажу». В ответ пришло предложение звонить, если понадобится, и просьба не оставаться

одной, когда по-настоящему плохо. Сайа открыла старую переписку с ней, но читать уже не смогла. Телефон погас у неё в руках.

Кассиан спросил, добралась ли она. Сайа ответила, что да, всё вроде бы нормально, затем попросила не приезжать сегодня. На словах «вроде бы» он успел насторожиться, но после просьбы замолчал. Через некоторое время написал только «Хорошо». Она сидела и ждала вознаграждения. Здесь лежали его вещи; он имел право спросить, почему должен искать себе другое место. Сообщений не было.

«У тебя есть где остаться?» – набрала Сайа.

«Есть».

Она ещё подержала пальцы над экраном и написала: «Прости». Кассиан предложил сегодня не считать, кому за что следует извиняться. Сайа убрала телефон. До полуночи оставалось немного больше двух часов. Она решила прекратить чтение. Если день начнётся заново, у неё хотя бы появится знакомое основание для дальнейших поисков. Пока ни книги, ни переписки не давали понять, где тот Кассиан, с которым она рассталась во тьме.

После душа в шкафу нашлась подходящая одежда. Сайа надела мягкую футболку и брюки, заправила слишком длинный шнурок за пояс. Вещи сидели привычно, как давно ношенные. Она не помнила ни покупки, ни того, как их стирала и складывала, зато сумела сразу найти нужную полку – увидела край ткани в щели. Пришлось напомнить себе, что для этого не требуется скрытая память. На кухне обнаружилась еда, и она приготовила простой ужин, заставляя себя перестать рассматривать каждую тарелку как подсказку.

Потом села у окна. В соседнем доме зажигался свет, люди возвращались с собаками, наверху один за другим темнели офисные этажи. Здесь закат занимал столько времени, сколько положено закату. Сайа успела поесть, вымыть тарелку, снова сесть, и город уже стал другим. В той квартире они месяцами закрывали шторы среди дня. Сейчас она с таким же напряжением ждала обыкновенной полуночи.

В 23:52 приложение доставки обещало привезти воду и кофе уже второго июня. Сайа положила их в корзину, дошла до оплаты и остановилась. Программа могла обещать что угодно. В 23:59 она оставила телефон на столе перед собой и смотрела на секунды, слыша, как гудит холодильник и кто-то ходит этажом выше. Пятьдесят семь, пятьдесят восемь. Экран показал 00:00. Под временем стояло второе июня.

Сайа не двигалась. Ждала темноты, кафе, хотя бы ощущения, что сейчас всё изменится. Сверху что-то уронили. Пришла следующая минута, за ней ещё одна. В 00:03 она отправила себе в сохранённые сообщения слово «Проверка». Над ним появилась новая дата. Машины на карте доставки продолжали ехать, ожидаемое время менялось. Сайа вернулась к корзине, убрала кофе и заказала воду.

Вода дома была. Ей понадобился человек, который после полуночи возьмёт бутылку, пройдёт по улице, поднимется на шестой этаж. Сайа следила за точкой курьера, пока та приближалась к дому, и в 00:31 вздрогнула от дверного звонка. На площадке стоял молодой мужчина в куртке службы доставки. Он протянул пакет, приготовился уходить, но она задержала его вопросом о числе.

Курьер достал телефон.

– Второе.

– Июня?

– Пока да, – сказал он и улыбнулся.

Сайа поблагодарила его, закрыла дверь и принесла пакет на кухню. На электронном чеке стояло: «2 июня, 00:32». Она достала бутылку, поставила посреди стола. Для перехода от семи сорока пяти к следующей минуте им когда-то понадобилось решить, что они хотят идти дальше. Здесь новый день начался, пока она боялась пошевелиться. Курьер уже ехал к кому-то другому, и ему не требовалось ничего объяснять.

Она ещё раз открыла чек, увеличила строку с датой. Можно было усомниться в телефоне, в памяти курьера, в собственной способности замечать перемены. Такая проверка никогда не закончится. Сайа уменьшила изображение и положила телефон рядом с бутылкой. За дверью проехал лифт, остановился выше, раздались чьи-то шаги. Ей впервые за ночь захотелось, чтобы эти звуки продолжались подольше.

Облегчения не пришло. Пока Сайа ждала полуночи, повторение дня казалось худшим из возможного. Теперь у этой квартиры имелось завтра. Знакомые встретятся в субботу, счета придётся оплачивать в срок. Кассиан будет работать, покупать фильтры и где-то ночевать, если она по-прежнему не пустит его домой. Эта жизнь продолжится независимо от того, сумеет ли Сайа в ней разобраться. Она открыла доставленную воду, отпила и ещё долго сидела у стола.

Спать легла после трёх. Вторую подушку оставила на месте, сама устроилась с другой стороны и отвернулась к окну. Утром во дворе загредел грузовик. Телефон показывал 07:38, второе июня. Сайа не стала вставать: дождалась семи сорока пяти. За стеной пустили воду, в подъезде хлопнула дверь. В 07:46 она положила телефон экраном вниз. По стене спальни медленно поднимался свет.

* * *

В девять Кассиан написал: «Доброе утро. Не буду спрашивать, лучше ли. Можно сегодня написать ещё?» Сайа прочитала сообщение над чашкой кофе и ответила «Можно», прежде чем успела придумать условия. Ночью ей казалось, что сперва надо определить, куда она попала. Теперь человек с другой стороны экрана уже начал свой день. Он не мог откладывать его, пока она ищет верное название происходящему.

Они договорились встретиться через час, в другом кафе возле сквера. Домой приглашать его Сайа пока не решилась. Кассиан пришёл раньше и сидел с телефоном в руке. Увидев её, убрал его и остался на месте, хотя плечи едва заметно поднялись. Сайа поняла, что он оставил себя, чтобы не вставать навстречу. Она села напротив и сказала, что наступило второе июня.

– Заметил, – ответил он.

– Я думала, оно не наступит.

Он кивнул. После вчерашнего рассказа пояснять не потребовалось. Сайа повернула стакан между ладонями и рассказала, что смотрела фотографии, календарь, переписку. Почти три года он, похоже, не выдумал. Кассиан сухо поблагодарил за результат проверки. Она подняла глаза.

– Ты злишься.

– Иногда. Когда ты говоришь про переписку, я вспоминаю, как мы её писали. Что было до. Чем потом закончилось. Не очень приятно слушать заключение.

Сайа коснулась ногтем шва на стакане. Он говорил тихо, без нажима, и оттого возразить было труднее. Она не знала другого способа узнать что-нибудь о себе. Кассиан признался, что тоже не знает, как бы поступил на её месте. Некоторое время оба молчали, и Сайа поняла, что начинать подготовленную речь о мирах сейчас бессмысленно.

– Я не могу доказать тебе свой рассказ, – сказала она. – Телефоны мы оставили дома. Здесь у меня совсем другой. Можно решить, что я всё придумала или что с памятью что-то случилось. Но этих лет я всё равно не помню. Даже если выучу всю переписку, не вспомню, как открыла тебе дверь после ссоры.

Кассиан перестал двигать чашку. Она продолжила: у неё есть другая жизнь, которую она помнит подряд, со всеми мелочами. Знакомство, долгое лето, последний голос в темноте. Для неё это не сон. Если он будет обращаться с ней так, будто всё прежнее между ними продолжается, она снова начнёт отшатываться от движений, которых он даже не замечает.

– Насколько он другой? – спросил Кассиан.

Сайа сначала не поняла, о ком речь. Потом посмотрела на его лицо. Карие глаза, знакомая складка между бровями; ей захотелось опустить взгляд, чтобы не сравнивать прямо при нём.

– Я не умею это измерить. Внешне почти одинаковые. Голос тоже. Иногда ты отвечаешь так, что я сразу узнаю его.

– Утешила.

– Я не утешаю. Ты спросил.

Он коротко усмехнулся, потом уточнил, знал ли тот Кассиан о нём. Сайа сказала, что тогда у неё не было этих трёх лет. Он помолчал и кивнул: да, ещё надо привыкнуть. Она расправила загнутый край салфетки и перешла к тому, ради чего пришла. Попросила пока предупреждать, прежде чем возвращаться домой. Если понадобятся вещи, она уйдёт на это время; квартира его тоже. И не прикасаться привычно, пока она сама не покажет, что хочет этого.

Кассиан согласился. Сайа нахмурилась: слишком быстро, как будто он решил уступать во всём, лишь бы она не ушла. Он заметил её взгляд.

– Просьба понятная, Сайа. Если ты вчера взяла меня за руку, это ещё не означает, что сегодня можно всё остальное.

– Я именно об этом.

– Если снова схватишь так же, всё-таки уточню, что проверяем.

Она фыркнула. Он тоже улыбнулся, но вскоре стал серьёзным. Спросил, может ли попросить кое-что со своей стороны. Ему не хотелось быть запасным вариантом человека, которого она ищет. И не хотелось, чтобы любой рассказ о прошлом превращался в новое обследование его памяти. Иногда он просто отвечает на заданный вопрос. Долго объяснять вдобавок, почему ответил именно так, он не сможет.

Сайа откинулась на спинку стула. Ей хотелось спросить, как тогда узнать, что здесь настоящее, но она посмотрела на его чашку, на руку рядом с ней и удержалась. Человек второй день старался не напугать её своим существованием. Она всё ещё могла не понимать, откуда взялась его жизнь. Для того чтобы выслушать его просьбу, объяснение не требовалось.

– Хорошо. Я постараюсь. Только обещать, что перестану искать, не могу.

– Я об этом и не просил.

– А ты можешь принять, что я сейчас другая?

Он отвернулся к окну. За стеклом остановилась женщина с пакетом, стала что-то искать в нём, отошла. Кассиан посмотрел вслед ей и только потом ответил:

– Сразу нет. Я могу предупреждать, не трогать, спрашивать заново. Но смотреть на тебя и забыть всё, что было до вчерашнего утра, не умею.

Сайа выдохнула. Такой ответ оказался легче согласия. Если он не может за сутки перестать помнить, от неё, возможно, тоже не потребуют невозможного. Она сказала об этом вслух. Кассиан кивнул, и впервые за разговор они смогли немного помолчать, не готовя следующего объяснения.

Потом он рассказал о перенесённой рабочей встрече и знакомом, у которого провёл ночь. Тот задал слишком много вопросов. Сайа спросила, удалось ли поспать, затем призналась в ночном заказе воды. Кассиан уточнил, помогла ли бутылка доказать наступление второго июня. На ней, к сожалению, не была напечатана дата изготовления мира. Он сказал, что всё равно посмотрел бы, и Сайа рассмеялась, представив, как он вертит бутылку, разыскивая мелкий шрифт.

Они просидели ещё около часа. Иногда сходство по-прежнему заставляло Сайу замолкать, но она уже не спешила разбирать его вслух. Кассиан мог просто смеяться над её ответом, быть усталым, сердиться из-за отменённой встречи. У выхода он остановился чуть в стороне и спросил, как сейчас лучше попрощаться. Сайа сказала: «Просто пока». Потом добавила, что писать можно.

Он не приблизился. Она вышла на улицу одна и несколько минут шла без телефона в руке. К вечеру закончится второе июня, придёт третье. Где человек, которого она потеряла, Сайа по-прежнему не знала. Но теперь, думая о поиске, она видела и другого Кассиана: как он сидит с холодной чашкой и старается не встать ей навстречу слишком быстро.

Глава 3. Чужие три года

На третий день Кассиан предложил встретиться с Норой. Он написал об этом не сразу: сперва спросил, как утро, дождался ответа и только потом рассказал, что вечером увидится с человеком, который знает их обоих. Нора была знакома с Сайей ещё до него. По словам Кассиана, помогать ему изображать убедительную общую биографию она бы не стала, даже если бы он очень попросил.

Сайа открыла недавний чат и поняла, что это Нора советовала ей не оставаться одной. Спросила, сколько та знает. Кассиан ответил: про потерю части памяти, без другого лета и остановившегося дня. «Это твоя история», – написал он. Сайа подержала палец над экраном. Ей хотелось уточнить, что именно он рассказывал знакомому, у которого ночует, но она удержалась. Как-то объяснить внезапную просьбу пустить на ночь ему всё-таки пришлось.

Нора ждала у окна маленького заведения в старом доме. Вживую она оказалась ниже, чем Сайа представляла по фотографиям, и двигалась быстро, будто всё время собиралась куда-то дальше. Поднялась навстречу, поправила волосы обеими руками и остановилась в двух шагах.

– Я спросила у Кассиана, можно ли тебя обнять. Он сказал, что не знает. Теперь стою тут.

Сайа рассмеялась и сама сделала шаг. Нора обняла её коротко, без осторожного похлопывания по плечу, сразу отпустила и повела к столу. Кассиан заметил, что именно это и предлагал: спросить Сайу. Нора посмотрела на него, покачала головой – слишком много стал говорить правильного, даже тревожно. На его «Переживу» улыбнулась и пододвинула ему меню.

Пока выбирали еду, Нора жаловалась на человека, третий день обещавшего документ, и на клубнику, которая везде прекрасная с виду и безвкусная. Сайа слушала с неожиданным удовольствием. Не нужно было отвечать на вопросы о самочувствии, называть дату или вспоминать адрес. Кассиан потянулся к телефону. Нора замолчала на полуслове, и он убрал его. Они успели поспорить, считается ли короткий взгляд в экран прерванным разговором, прежде чем Сайа спросила:

– Он давно так делает?

– Сейчас будет допрос? – Нора повернулась к ней. – Давай лучше скажи, что тебе хочется узнать.

– Что-нибудь, чего нет на фотографиях.

– Термос.

Кассиан закрыл глаза. Нора, явно довольная выбором, рассказала, как он неделю сравнивал термосы, проверял объём, вес и крышку, а в первой же поездке залил кофе весь рюкзак. Клапан следовало защёлкнуть до конца, пояснил Кассиан. Нора согласилась: теперь они все это знали. Тогда он сидел с мокрым рюкзаком и ругал конструкцию.

– А ты взяла термос, закрыла, открыла и ещё раз закрыла. Посмотрела на него и сказала: «Убедительно. Очень сложный механизм».

Сайа засмеялась. Она почти увидела эту сцену и даже придумала ветер, от которого они отворачивались, хотя Нора ничего о погоде не говорила. Сайа остановила себя и спросила, сильно ли тогда злилась. Выяснилось, что злилась из-за камеры: термос лежал рядом с ней. Камера, уточнила Нора, была Кассианова. Он возразил, что важнее было её качество, и они снова принялись спорить.

Их рассказы расходились в мелочах. Кассиан помнил крышку, Нора – его недовольное лицо, каждый перебивал именно там, где другому казалось несущественно. Никто не старался сделать историю безупречной. Сайа слушала, как они переходят к другому знакомому, потом к событиям, при которых её вообще не было. У Кассиана нашлись ошибки и смешные случаи, не связанные с ней. Несколько раз он забывал посмотреть, следит ли она за разговором, и Сайа была ему за это благодарна.

На улице Нора предложила в следующий раз встретиться вдвоём. Сайа спросила, не хочет ли та сверить его версию без него. Нора вздохнула:

– Чтобы выпить кофе. Я тоже хочу остаться человеком, которого зовут на кофе.

Сайа смутилась, пообещала написать и проводила её взглядом. Кассиан заметил, что Нора ей нравится; раньше тоже нравилась. Он тут же начал извиняться, но Сайа покачала головой. Перестать говорить о прошлом совсем не получится. Просто иногда ей нужны несколько секунд после такой фразы. До перекрёстка они шли молча, и он эти несколько секунд ей оставил.

С Марком встретились пятого июня, возле парка. Он вращал стакан холодного чая за верхний край и слушал Сайу, почти не перебивая. Про остановившийся день она решила рассказать сама. Когда закончила, Марк потёр лицо и признался, что не знает, чем тут помочь. Сайа сказала, что это уже неплохо: он хотя бы не объявил её сумасшедшей.

– Я не врач, – ответил Марк.

– Мне он нравится, – сказала она Кассиану.

– Подожди.

Марк усмехнулся. На вопросы о прежней жизни отвечал обстоятельно, но даты вспоминал с трудом. Когда Сайа в третий раз уточнила последовательность, он поставил стакан и спросил, хочет ли она узнать, как они жили, или поймать расхождение с рассказом Кассиана. Она честно ответила, что и то и другое. Марк предупредил: расхождения найдутся обязательно. Одну и ту же ссору они помнят по-разному.

– Тогда расскажи ссору.

Марк рассмеялся и посмотрел на Кассиана. Тот пожал плечами: рассказывай. Около двух лет назад ему предложили хорошую работу в другом городе, месяцев на восемь или девять. Он отказался, решив, что им с Сайей не нужен переезд и долгая разлука тоже ни к чему. Только её саму не спросил. Она узнала уже после отказа. Марк поначалу считал, что Кассиан поступил достойно: выбрал отношения. Потом долго слушал Сайу, объяснявшую, почему не рада такому выбору.

– Я извинился, – сказал Кассиан.

– Через четыре дня.

– Через два. На четвёртый мы уже разговаривали нормально.

Марк развёл руками перед Сайей. Она спросила, уехал ли Кассиан в итоге. Нет, но связался с работодателем снова, выяснил, что предложение действует, и они обсудили его вдвоём. После этого решили остаться. Сайа разглядывала мокрый круг под стаканом. Ей было легко представить, как он находит разумное решение и сообщает готовым. В долгом первом июне ей тоже случалось останавливать его до того, как он успевал всё разложить. Но сколько дней длилась здешняя ссора, она знать не могла.

Марк ушёл к метро, а они направились вдоль парка, обходя лужи после дождя. Сайа спросила, хотел ли Кассиан уехать сам. Он ответил, что поначалу хотел, потом перестал; наверное, ещё до первого разговора с ней. Оттого и вышло так: отказался по собственным причинам, а объяснил заботой о них двоих. Тогда ему казалось, что он всё сделал правильно, только неудачно сообщил.

Сайа шагнула через узкий ручеёк у бордюра и спросила:

– А сейчас ты не стараешься выглядеть хуже? Чтобы я больше поверила?

Кассиан остановился. Несколько секунд смотрел на неё, потом сказал, что не может к каждому ответу прилагать доказательство, что не подогнал его под неё. Светофор сменился, и он пошёл через улицу. Сайа догнала его на другой стороне. Она хотела объяснить, что просто спросила, но по его лицу было видно: эту фразу он уже ждёт.

– Обиделся?

– Давай сегодня закончим.

Он впервые сам закрыл разговор. Сайа замолчала. Хотелось уколоть его, напомнить, кто здесь потерял целую жизнь, но она только проверила молнию на сумке, подтянула ремень и пошла рядом.

* * *

На шестой день Сайа всё-таки нашла переписку о работе. Предложение было на полгода с возможностью продления. О том, что Кассиан отказался, она узнала почти через неделю; работодателю он написал повторно на третий день после ссоры. Сайа выписала сроки, посмотрела на короткий список и положила телефон. Можно было удалить. Вечером, собираясь на встречу, она всё равно убедилась, что заметка сохранилась.

Они купили кофе и пошли по набережной. Кассиан рассказывал о встрече, которую наконец провёл после двух переносов. Сайа слушала, ловила отдельные слова, ждала паузы. Он ещё не закончил мысль, когда она сказала, что Марк перепутал сроки: шесть месяцев, не восемь. Кассиан подтвердил, что с продлением, и замолчал. Тогда она добавила про шесть дней между отказом и тем, как о нём узнала.

Он остановился. Сайа прошла немного вперёд и обернулась, держа стакан у груди.

– Ты искала переписку?

– Хотела понять, как было.

– Мы вчера тебе рассказали.

– По-разному.

Кассиан выдохнул, отошёл к ограждению и поставил кофе на широкий каменный край. Сайа подошла, оставив между ними место. Он смотрел на воду. По течению медленно вращалась тонкая ветка; её прибивало к стенке, отпускало, снова прибивало. Сайа успела проследить за ней несколько раз, прежде чем он заговорил.

– Шестой день отвечаю тебе как на проверке документов. Что ещё нужно доказать?

– Я не заставляю отвечать.

Он повернулся так резко, что Сайа чуть отступила.

– И если откажусь, это ничего не будет означать? Ты не запишешь, что я ушёл от вопроса?

– Не передёргивай.

Кассиан усмехнулся. Он перечислил Нору, Марка, вчерашнюю прогулку, её вопрос о том, не изображает ли он честность. Сайа чувствовала, как разогревается лицо. Хотела возразить по каждому случаю отдельно: там она уточняла одно, здесь другое, с Норой вообще говорили о термосе. Но Кассиан уже смотрел на неё, ожидая именно этих возражений.

– Я знаю, что три года были, – сказала она.

– Тогда зачем продолжаешь?

– Потому что не помню их!

Проходившая пара оглянулась. Сайа понизила голос, но остановиться уже не могла. Каждый день кто-нибудь называл её привычку, любимое место, знакомого. Человек мог подойти на улице и обнять её, а она не знала бы даже, как к нему обратиться. Кассиан имел наготове ответы о её жизни раньше, чем она понимала, какой задать вопрос. Ей оставалось проверять, восстанавливать, хотя бы знать последовательность. Иначе пришлось бы во всём идти за ним.

Он взял стакан, провёл пальцем по крышке и снова поставил.

– Я не прошу тебя притворяться. Но Марк может перепутать срок. Я могу забыть, когда написал. Это не означает, что всё выдуманно.

– Я этого не говорю.

– А мне приходится ждать. Вспомню не тот месяц – опять начнём сначала.

Сайа стиснула стакан; под крышкой выступила капля. Кассиан посмотрел на неё и тут же отвёл взгляд, как будто даже сейчас заставлял себя не отбирать у неё горячий кофе. Она поставила его рядом с его стаканом.

– Хочешь, чтобы я кивала, когда ты рассказываешь? Не спрашивала, потому что тебе неприятно?

– Хочу иногда разговаривать с тобой. Просто разговаривать. Сегодня я начал про работу, ты ждала, когда закончу, чтобы предъявить мне срок двухлетней давности.

Это было правдой. Сайа помнила, как стояла у перехода, думала о записке и почти не слушала его. Оттого стало ещё обиднее. Ей захотелось сказать, что у него хотя бы есть дом и знакомые, что он знает, где проснулся, что потеря нескольких удобных разговоров несравнима с её положением. Кассиан отодвинулся от ограждения.

– Мне нужно уйти.

– Отлично.

Он остановился. Сайа уже пожалела, но не извинилась. Спросила, зачем уходить именно сейчас. Кассиан ответил, что начинает говорить хуже, чем думает, и не хочет наговорить ещё. Она процедила: «Очень рационально». Он коротко рассмеялся.

– Вот даже сейчас ты с ним разговариваешь.

– С кем?

– С тем Кассианом. Думаешь, как бы он ответил. Ушёл бы или остался. Быстрее бы понял. Я не знаю, Сайа. У меня не было тех месяцев. Каждый раз кажется, что я ему проигрываю, даже когда его здесь нет.

Она смотрела ему в лицо. До этой фразы можно было спорить о вопросах и сроках, разбирать, кто перебил первым. Сейчас он коснулся того, о чём она сама думала, когда он уходил из кафе. Было страшно узнать, насколько это видно со стороны.

– А ты? – спросила она. – Ты разве не ждёшь свою Сайу? Сам сказал, что не можешь перестать её видеть. Рассказываешь, как я любила, как шутила. Тебе можно помнить, а мне нельзя?

– Я не говорил «нельзя».

– Ты сказал, что всё время проигрываешь ему.

– Потому что мне так бывает. Я тоже здесь что-то чувствую.

Кассиан отвернулся. У киоска за их спинами опустили оконную створку; щёлкнул замок. Пробежал человек в наушниках. Ребёнок бросил камень в воду, мать попросила отойти от края. Сайа слышала всё это слишком отчётливо и хотела, чтобы люди прошли побыстрее, не смотрели, не оставались рядом. Кассиан забрал свой стакан. В этот раз сказал только, что действительно должен уйти. Она ответила: «Иди».

Его кофе он унёс. Её стакан остался на камне, и Сайа через некоторое время заметила, что продолжает смотреть на пустое место рядом с ним. Она допила своё, выбросила стакан и пошла домой пешком. Дорога занимала почти час; адрес пришлось несколько раз проверить. Сперва она мысленно повторяла всё, в чём он был неправ, потом добавляла собственные слова. Облегчения не принесло ни то ни другое. Телефон молчал.

Дома в миске у зеркала лежала записка про фильтры. Новую упаковку Сайа обнаружила под раковиной ещё вчера. Кто купил – Кассиан до первого июня или она сама до того, как перестала помнить, – выяснять почему-то не хотелось. Записка могла просто остаться. Она разогрела еду, поела, почти не ощущая вкуса, и открыла переписку. Палец уже пошёл вверх по экрану, к старым сообщениям, но Сайа остановилась.

Сегодняшней ссоры там не было. Она помнила, как не слушала рассказ о встрече, как громко сказала, что ничего не помнит, как Кассиан отвернулся. Злое «Отлично» произнесла сама. Про это не у кого было спросить, даже если ещё три часа читать чужие годы. Она положила телефон на стол и потёрла виски. Проверки позволяли что-то делать. Гораздо труднее было решить, как обращаться с человеком, который останется после всех проверок.

Кассиан тоже ждал другую женщину. Это никуда не делось оттого, что он первым устал от сравнения. Он начинал знакомую фразу, предлагал привычное и на мгновение терялся, когда

получал иной ответ. Сайа вспоминала такие мгновения всё яснее. У него хотя бы были эти годы – так она собиралась сказать у реки. Теперь ей пришло в голову, каково помнить их рядом с человеком, который каждый день узнаёт заново даже дорогу домой.

* * *

Сайа несколько раз набрала начало сообщения и стёрла. Наконец написала, что кое-что поняла, но отвечать прямо сейчас необязательно. Минут через десять он спросил что. Она составила длинное объяснение, перечитала и тоже удалила. Отправила одну фразу: «Наша сегодняшняя ссора впервые не принадлежит твоим трём годам».

Точки под его именем появлялись и исчезали. Пришло «Да». Продолжения Сайа не дождалась и добавила, что была частично права. Кассиан спросил: «Это точно ты?» Она улыбнулась над экраном, велела не портить момент и вдруг поняла, что больше не хочет вести этот разговор пальцами. Спросила, где он. Он прислал название небольшого бара. Сайа написала, что приедет, и дождалась его согласия.

Кассиан сидел в глубине зала. Перед ним стоял почти пустой стакан воды и тарелка с остывшей едой. Увидев Сайу, он начал подниматься, но она махнула рукой и села напротив. Здесь лицо казалось старше от верхнего света; у висков отчётливее проступала седина. Сайа увидела, как он сжал переносицу, и только сейчас заметила его усталость. Он долго сидел один после ссоры. Ей захотелось остаться рядом, даже если разговор не получится.

– Не буду спрашивать у Марка, кто из нас сегодня был прав, – сказала она.

Кассиан убрал руку от лица.

– Спасибо.

Она призналась, что вспоминать потерянного Кассиана всё равно будет. Иногда сравнит раньше, чем успеет себя остановить. Он кивнул, но на слове «мой» едва заметно напрягся. Сайа это увидела и не стала исправляться: другого точного слова сейчас не нашла. Его три года тоже останутся. Наверное, ещё не раз между ними возникнут люди, которых рядом нет.

– Мне не нравится, – сказала она.

– Мне тоже.

Сайа повернула к себе меню, не открыла, отодвинула обратно. Сказала, что часть проверок была лишней. Кассиан промолчал. Она попросила не наслаждаться так заметно, он ответил, что очень старается. Улыбка продержалась недолго, но обоим стало легче поднять глаза.

– Я тоже был неправ, – сказал он. – Про него говорил так, будто ты нарочно. Мне проще злиться на человека, которого здесь нет.

– Почему?

Кассиан посмотрел на воду в стакане.

– Потому что с тобой страшно. Утром первого июня мы жили вместе. К вечеру я уже не знал, можно ли вернуться. Сейчас ты засмеёшься – я обрадуюсь, потом думаю: подожди, это ещё ничего не означает. Раньше хоть мог обнять, когда не знал, что сказать. Теперь надо сперва разобраться, не сделаю ли хуже.

Он говорил негромко, иногда запинаясь. Сайа сидела, положив руки на колени. Ей хотелось дотянуться до него через стол, но она не понимала, не добавит ли этим ещё путаницы. Сказала, что ей тоже страшно. Кассиан поднял глаза, ожидая рассказа о Ночи, и она покачала головой.

– Я боюсь привыкнуть к тебе.

Он допил воду, поставил стакан и некоторое время держал его пальцами. Сайа уже пожалела, что приехала: в сообщении это можно было бы смягчить, дописать что-то следом. Здесь прозвучавшая фраза осталась между ними, и убрать её было некуда.

– Давай тогда пока ничего не возвращать, – сказал Кассиан. – Я не стану ждать, что ты сейчас вспомнишь и всё наладится. Могу спрашивать. Узнавать, как у тебя сегодня.

– А если сама спрошу про раньше?

– Расскажу. Только давай не будем каждую прогулку заканчивать сверкой показаний.

Сайа кивнула. Он не предлагал забыть человека, которого она искала; она не обещала забыть. Оказалось, можно договориться хотя бы о следующем разговоре. На прощание не обнялись. Сайа вернулась сама, присидела рядом, сказала то, что боялась говорить. Пока этого хватило. Домой она ехала, глядя в окно. Телефон лежал в сумке, и открывать архив не хотелось.

* * *

Седьмого июня они вместе пообедали, восьмого встретились с Норой и ещё несколькими знакомыми. Сайа заранее решила не расспрашивать каждого о прежней жизни. Решение продержалось недолго: кто-то вспомнил «тот раз зимой», и она сразу подалась вперёд. Потом удержалась, позволила рассказу идти дальше. Иногда спрашивала, иногда слушала непонятное. Разговор не останавливался из-за того, что она упустила одну старую шутку. Это утомляло, но постепенно переставало пугать.

К десятому дню дороге домой из нескольких мест она уже находила без карты. В незнакомом квартале по-прежнему включала навигацию. В квартире появились сегодняшние вещи: чек, книга, которую она сама начала читать, упаковка нового чая. Они стояли среди прежнего, не вытесняя его, и Сайа могла хотя бы про них сказать, откуда взялись. Дату покупки чая не требовалось восстанавливать по сообщению.

Вечером десятого июня они с Кассианом встретились после его работы. Поужинали, дошли до позднего магазина, около одиннадцати остановились у её дома. На вопрос о завтра Сайа ответила: «Посмотрим». Кассиан уточнил, это настоящее «посмотрим» или она уже согласилась, но не хочет обещать. Она спросила, не пользуется ли он опять старыми знаниями. Он ответил, что пытается получить новые. Сайа улыбнулась и сказала: настоящее. Так и расстались.

Лифт стоял на первом этаже. Сайа нажала шестой, двери закрылись. В зеркале отразились волосы у плеч, ремень сумки, рука с телефоном. Кабина дёрнулась и пошла вверх. На третьем этаже пришло сообщение: «Вот теперь думаю, надо было всё-таки спросить, как тебе новый чай». Она улыбнулась, собираясь ответить. Лифт остановился. За разошедшимися дверями не было площадки.

Сайа подняла глаза от телефона и несколько мгновений пыталась найти хоть что-нибудь узнаваемое: соседский коврик, стену, светильник. Даже шахта или стройка помогли бы понять ошибку. Но кабина открылась прямо в Ночь. Та же темнота, в которой она перестала слышать Кассиана; без пола, без видимого конца. Телефон выскользнул из пальцев и ударился о пол.

Он лежал экраном вверх. Свет обозначал ребристую направляющую и металлический край кабины, но за порог не проходил. Сайа прижалась спиной к стене. Из темноты не было слышно ни дыхания, ни шагов. До неё оставалось два шага. Можно было поднять телефон, подойти, протянуть руку – вот и всё, что отделяло Сайу от места, которое она искала десять дней.

Она не двигалась. Нора ходила на работу, Марк путал сроки, курьер привёз воду после полуночи. Кассиан несколько минут назад стоял у подъезда, спрашивал про завтра. Всё это продолжалось в доме и на улице, пока Сайа стояла перед Ночью. Не понадобилось разгадать порядок улиц или найти ошибку в дате. Она осторожно нагнулась, подняла телефон. Сообщение про чай осталось открытым.

Когда они потеряли друг друга после заката, она хотела только одного – снова дотянуться до Кассиана. Сейчас шаг был возможен. Она подошла к самому краю. Металл под подошвой не прогибался. Из темноты не тянуло холодом, у неё не было запаха. Сайа вытянула руку и остановила перед порогом, не коснувшись того, что начиналось дальше.

Там мог оказаться он. Могло оказаться что угодно, но и он тоже. От этой возможности невозможно было отмахнуться, сославшись на опасность. Она всё ещё искала его. Одновременно Сайа видела светлый экран: Кассиан здесь спросил про чай и скоро начнёт волноваться,

почему она не ответила. Он не узнает, что дверь открылась. Будет звонить, поднимется к квартире, увидит вещи, к которым она только начала привыкать.

Сайа попыталась понять, что её удерживает. Страх перед темнотой? Нежелание исчезнуть без объяснения? Эти десять дней, в которых уже случилась собственная ссора, примирение, два ужина? Мысли толкались, перебивали друг друга, и ни одной не хватало, чтобы поставить ногу за порог. Двери дрогнули. Сайа отступила внутрь кабины.

Первым порывом было схватить створку, не дать ей закрыться. Она успевала. Рука даже поднялась, но Сайа её опустила. Полоса темноты сужалась, превратилась в щель и исчезла. На табло горела шестёрка. Кабина стояла неподвижно. Сайа нажала кнопку открытия. За дверями показалась обычная площадка, соседский коврик, знакомый светильник под потолком.

Она спустилась на первый этаж, снова поднялась на шестой. Ещё раз проделала тот же путь. Двери исправно открывались на площадку. Когда она оказалась у квартиры в третий раз, больше не поехала вниз. Ключ несколько раз стукнул о замочную скважину, прежде чем вошёл. Сайа включила свет и положила телефон на кухонный стол. Кассиан уже прислал следом: «Это был сложный вопрос про чай?»

Она села, прижала ладони к столу, дождалась, когда немного утихнет дрожь. За дверью прихожей находился лифт, в котором только что можно было уйти. Рассказывать об этом сейчас она не могла. Написала: «Чай нормальный». Кассиан прислал возмущённый знак. Сайа смотрела на него, пока экран не погас.

Десять дней она искала выход. Сегодня он открылся, и она позволила дверям закрыться.

Глава 4. Наши дни

О Ночи Сайа рассказала на следующий день. Позвала Кассиана в сквер, где они уже встречались, и выбрала скамью подальше от детской площадки. Здесь было легче смотреть перед собой. В квартире пришлось бы всё время помнить о лифте за стеной, а на улице перед ними лежала дорожка, по ней шли люди, и можно было дожидаться, пока пройдёт очередная коляска, прежде чем продолжать.

Кассиан слушал, наклонившись вперёд и уперев локти в колени. Сайа рассказала про остановку между этажами, про металлическую направляющую, на которой заканчивался свет телефона, и про два шага, которых она не сделала. На этом месте он повернул голову, но спрашивать сразу не стал. Несколько секунд Сайа смотрела на его руки: большие пальцы двигались навстречу друг другу, не соприкасаясь.

– Ты уверена, что это была та же Ночь?

– Я её узнала.

Он кивнул. Возможно, хотел спросить, как можно узнать место, в котором ничего нет. Сайа приготовилась объяснять и даже подобрала первые слова, но Кассиан не продолжил. Подождал, пока на площадке стихнет скрип качелей, и спросил о другом:

– Ты из-за меня осталась?

Она подтянула ногу под скамью. Каблук задел пустой бумажный стакан; Сайа наклонилась, подняла его и положила рядом, чтобы потом выбросить.

– Я о тебе подумала. Ещё испугалась. Там могло быть что угодно, и я не знала, смогу ли вернуться. А дверь уже закрывалась. Мне не захотелось решать всё за эти несколько секунд.

Кассиан потёр ладонью колено и посмотрел на девочку, которая пыталась сесть на качели с пакетом в руках. Рядом мальчик сердито показывал ей свободное место на земле. Она не слушала, пакет бил по перекладине, и оба постепенно начинали злиться.

– Я бы хотел, чтобы ты осталась из-за меня, – сказал он. – Но понял. Не только поэтому.

Сайа ожидала, что вслед за этим придёт вопрос о следующем разе. Кассиан молчал так долго, что она сама заговорила:

– Если снова откроется, я пока не знаю, что сделаю.

– Ты и в этот раз заранее не знала.

– Тебе нечего сказать?

Он поднял на неё глаза. При дневном свете седина у висков была заметнее, чем в кафе; тёмные волосы над лбом после стрижки лежали короче. Сайа поймала себя на том, что помнит его звонок из парикмахерской три дня назад. Уже не требовалось разыскивать каждую перемену в чужих фотографиях.

– Есть, – сказал Кассиан. – Я очень не хочу потерять тебя в лифте. Лучше бы услышал, что его просто заклинило. Но ты сейчас ждёшь от меня чего-то другого?

– Сама не знаю.

Она взяла стакан и отнесла в урну. Пока возвращалась, Кассиан освободил место рядом, убрав с края скамьи свою сумку. Больше о выходе они в тот день не говорили. Когда Сайа поднялась уходить, он не предложил проводить её до квартиры, и она была ему за это благодарна: ещё одна остановка перед лифтом была бы лишней.

Утром двенадцатого июня Сайа снова села разбирать письма. Простой счёт можно было оплатить, не зная, как о нём договаривались; встречу – подтвердить, если в переписке оставались место и время. Труднее было с людьми. Они помнили разговоры, на которые она соглашалась, обиды, о которых успели забыть, смешные случаи, после которых достаточно было одного слова. Сайа научилась останавливать собеседника до того, как тот добирался до вопроса: «Ты что, не помнишь?»

Она говорила, что с начала июня часть прошлого стала для неё чужой, и просила дать время. Одни начинали расспрашивать о врачах. Другие горячо уверяли, что всё понимают, а через минуту опять отсылали к зиме, которую она не прожила. Знакомый, чьего голоса Сайа даже не узнала, обиделся на забытую шутку. Потом извинился, засуетился и слишком быстро закончил разговор. Вечером она написала ему сама. Шутку так и не поняла, зато они договорились созвониться ещё раз.

Сайа больше не ездила в лифтах без нужды. Иногда задерживалась перед тёмным коридором, но почти всегда там находилась дверь подсобки, швабра или оставленный кем-то ящик. Она проходила дальше. К вечеру появлялось достаточно дел, чтобы не вспоминать каждый час, зачем она проснулась в этом городе.

Тринадцатого июня после обеда пошёл дождь. Утром жара стояла такая, что Сайа оставила куртку дома; теперь тонкая рубашка липла к спине, а ветер загонял воду под навес магазина. Она придвинулась к витрине, прижала сумку к груди и следила за пузырями в луже возле бордюра. На улице почти одновременно раскрылись зонты. Человек напротив спрятал под куртку букет, оставив снаружи только длинные стебли.

Кассиан написал: «Ты где?» Получив название улицы, велел стоять на месте. Сайа спросила, с каких пор он раздаёт приказы, и получила ответ: «Рекомендация человеку без зонта. Я в двух кварталах». Она могла зайти в магазин и купить зонт сама. Всё же осталась, убрала телефон в сумку и стала смотреть через дорогу.

Он появился быстро, под большим тёмным куполом. Переход был дальше, но, увидев Сайу, Кассиан решил перебежать улицу прямо здесь. Перед самым бордюром нога ушла в лужу. Он попытался уклониться, наклонил зонт, и порыв ветра вывернул полотно. Щёлкнула спица. До навеса Кассиан добрался с мокрым плечом и водой в ботинке. Несколько секунд стоял, держа над собой то, что ещё недавно надёжно защищало его от дождя.

– Ты его убил, – сказала Сайа.

Он опустил зонт и повернул к себе повреждённую сторону.

– Ветер убил. Я всего лишь переходил дорогу.

– Ты прыгал в лужу.

– Пытался помочь человеку.

Сайа подняла глаза на навес. Кассиан проследил за её взглядом и наконец засмеялся. Вода стекала у него с коротких волос за воротник, на скуле блестела капля. Сайа достала бумажную салфетку и протянула ему; он вытер лицо, потом зачем-то промокнул зонт. От этого она начала смеяться снова.

Кассиан попробовал вправить спицу. Полотно хлопнуло, сложилось наполовину, и с края прямо ему в рукав вылилась вода. Он поморщился, повертел ручку и снова раскрыл зонт. Одна сторона теперь висела ниже другой, зато под ним всё ещё можно было стоять. Сайа признала это с такой серьёзностью, что Кассиан перестал смотреть на неё, иначе тоже не мог удержаться.

Дождь не слабел. За стеклом продавец начал гасить свет над дальними прилавками; до закрытия оставалось минут двадцать. Сайа могла переждать под навесом и после этого, но уже замёрзла, а в семи минутах ходьбы было кафе. Кассиан поднял зонт, оставив для неё место с целой стороны. Она некоторое время смотрела на косую спицу и всё-таки шагнула под полотно.

Первые полквартала Сайа старалась держаться отдельно. Вода сразу попадала на плечо, и приходилось возвращаться ближе. Наконец она взялась за рукав Кассиана. Он шёл неровно, обходя лужи, и каждый раз наклонял зонт к ней; его собственная рубашка снаружи совсем потемнела. Сайа сказала об этом. Кассиан ответил, что уже мокрый, и попробовал перепрыгнуть ручей у водостока.

– Стой. У тебя на сегодня хватит пострадавших.

Он послушно обошёл поток по краю, увлекая её за собой. Зонт задел вывеску, Сайа пригнулась и прижалась к его плечу. Вскоре обувь промокла у обоих, и они перестали выбирать

сухие места. Перед кафе пришлось подождать, пока женщина вынесет коляску. Под навесом было тесно; Кассиан опустил руку Сайе на спину, чтобы пропустить её первой, и убрал сразу, как только она оказалась внутри.

В кафе пахло горячим тестом. Официантка показала на металлическое ведро у двери. Кассиан поставил туда зонт, тот медленно завалился, и Сайа опять рассмеялась. Теперь смешило уже всё: его мокрый носок, вода с её волос, салфетки, которыми они безуспешно сушили сумку. Светлые пряди у лица выбились из завязанных волос; Сайа пыталась убрать их за уши, но они прилипали к щекам. Кассиан молча подвинул к ней ещё салфетки.

Они просидели больше двух часов. Пока сохли, обсудили странный десерт в меню, который никто не решился заказать, работу Кассиана и книгу из Сайиной сумки. Он удивился названию, начал что-то говорить и остановился. Сайа попросила договорить. Оказалось, раньше она бросала такие книги на двадцатой странице.

– А эту я уже до половины дочитала, – сказала она.

Кассиан посмотрел на торчащую закладку и кивнул. Сайа ждала объяснения прежнего вкуса, но он спросил, стоит ли читать ему. Пришлось подумать о самой книге. Она ещё не знала, чем всё закончится, и не хотела советовать раньше времени. Кассиан согласился подождать. Когда дождь наконец стих, они вышли, оставив под столом маленькие тёмные следы от обуви.

Зонт он забрал. Сайа возмутилась: теперь Кассиан починит его и будет утверждать, что ничего не случилось. Он пообещал сохранить следы происшествия, если это облегчит ей жизнь. Через два дня прислал фотографию разобранного зонта на столе Марка. Вокруг лежали плоскогубцы, проволока и мелкие детали. Подпись гласила: «Пациент стабилен». Сайа написала, что пора дать ему покой. Кассиан ответил, что поздно, операция уже началась.

Вечером он предупредил, что зайдёт за одеждой, и принёс зонт показать. Сайа раскрыла его в прихожей. Спица держалась криво, у крепления виднелась проволока, но полотно натянулось. Пока Кассиан складывал вещи, она поставила чайник. Раньше в такое время Сайа предпочитала уйти из квартиры; сегодня ей хотелось узнать, как он сумел собрать обратно эту нелепую конструкцию.

– У тебя там ещё лишние детали остались? – спросила она, когда он вышел с сумкой.

– Одна. Неважная.

– Я запомню.

Он уже приготовился отвечать и вдруг умолк. Сайа стояла с зонтом в руках и понимала, отчего изменилась его улыбка. Она действительно запомнит этот вечер. Кассиан выпил чай и унёс зонт к Марку. После его ухода Сайа ещё раз открыла переписку с фотографиями, хотя ни одной подробности проверять не требовалось.

* * *

Шестнадцатого июня Кассиан отменил встречу за полчаса до назначенного времени. Написал, что всё развалилось по работе. Сайа ответила «ничего», уже снимая с вешалки сумку, чтобы всё-таки выйти погулять. Следующее сообщение заставило её остановиться: если очень повезёт, команда соберёт всё заново до утра. Она спросила, где он, получила адрес и по дороге заехала за едой.

Кассиан встретил её у дверей небольшого офисного здания. Он говорил по телефону и одновременно прикладывал пропуск к замку; дверь не поддавалась, потому что он тянул её слишком рано. Рукава рубашки были закатаны, на запястье отпечаталась складка. Увидев Сайу с пакетом, он закончил разговор, выдохнул и наконец открыл дверь.

– Мы же отменили.

– Встречу отменили. Поесть вам всё равно нужно.

Он возразил, что существует доставка. Сайа предложила оставить весь пакет себе, и Кассиан впервые улыбнулся. Внутри работали ещё четверо. Двое говорили по телефонам, женщина за дальним столом печатала, а мужчина возле принтера вытаскивал из него смятую

бумагу. Сайа поставила еду на свободный край стола, сразу поняла, что там собирают документы, и перенесла пакет на подоконник.

Из коротких объяснений выяснилось, что партнёр изменил условия перед последним согласованием. С ним работали несколько месяцев; теперь отказываться означало потерять большую часть подготовленного. Команда нашла возможную замену, но требовалось за ночь проверить документы, договориться о доставке оборудования и заново подтвердить время доступа на площадку. У каждого человека в комнате уже было по несколько дел, а телефон Кассиана не переставал звонить.

– Машину я могу найти, – сказала Сайа.

Он начал объяснять и отвлёкся на новый вызов. Она дождалась конца разговора, усадила его на соседний стул на две минуты и записала всё: размер груза, время подачи, оба адреса, имя человека, который встретит водителя. Когда Кассиан попытался снова подняться, уточнила, кто оплатит и сколько они могут потратить. Только после этого отпустила его к остальным.

Она не знала содержания проекта и не притворялась, что понимает разложенные на столе схемы. В первой компании свободной машины на утро не оказалось. Во второй обещали нужную, но выяснилось, что время подачи приблизительное. Сайа вычеркнула номер, набрала третий и договорилась, чтобы водитель подтвердил всё лично. Потом сверила с Кассианом часы: доставка попадала на полчаса раньше, чем новый партнёр обещал открыть площадку. Он позвонил ответственному за въезд; пришлось снова связываться с водителем.

Еду она разложила на крышках контейнеров. Мужчина у принтера отказался, но через пять минут подошёл за бутербродом. Сайа попросила его убрать бумагу с подоконника, пока там не разлили кофе. Он посмотрел на пачку с явным изумлением, словно впервые обнаружил её там, и отнёс к своему столу. На освободившееся место Сайа поставила воду. Люди постепенно начали есть, не прекращая работы.

Кассиан почти не смотрел на неё. Он перебирал варианты, сердился, возвращался к отвергнутому решению, терял ручку и просил прислать документ, который уже лежал перед ним. Однажды резко оборвал коллегу. Через несколько минут подошёл к нему сам, тихо извинился за резкость, и они вместе наклонились над листом. Сайа видела прежде, как он сдерживается рядом с ней. Здесь на это не хватало сил, и можно было узнать его торопливость, привычку забывать о воде, упрямство, которое иногда помогало, а иногда задерживало всех.

Около десяти один сотрудник ушёл. К одиннадцати обнаружилось новое расхождение в документах. Женщина за дальним столом сняла очки и долго растирала переносицу; Кассиан стоял рядом и ждал, пока она снова посмотрит на экран. Сайа переслала водителю окончательные контакты, получила подтверждение и вышла в коридор. Там было тихо, лампы гудели над закрытыми дверями. За окном на противоположной стороне улицы погасла вывеска.

Кассиан нашёл её возле автомата с кофе. Посмотрел на часы и сказал, что ей пора домой. Сайа ответила, что утром свободна. Он начал объяснять, что не просил её оставаться, но она протянула ему стакан и вернулась в комнату. Ей ещё предстояло удостовериться, что человек на площадке получил номер машины. Можно было закончить это из дома; Сайа просто не хотела уезжать.

После двух ночи осталось трое: она, Кассиан и женщина с очками. Сайа ходила в круглосуточный магазин. Пока выбирала воду, вдруг поняла, насколько устала: никак не могла решить, брать маленькие бутылки или большую, и продавец уже второй раз предлагал пакет. Она купила маленькие, ещё еды и вернулась. Кассиан стоял у окна с ноутбуком в руках. На вопрос, как дела, ответил, что, кажется, получилось. Женщина попросила не говорить этого, пока не пришло подтверждение.

Ждать пришлось ещё двадцать минут. Кассиан сел в кресло, поставил ноутбук на стол и закрыл глаза. Сайа сфотографировала его: голова неловко откинута, одна ладонь всё ещё лежит возле клавиатуры, на лбу след от пальцев. Он заснул так быстро, что она не сразу поверила.

Разбудило его короткое «всё» с другого конца комнаты. Женщина закрыла свой ноутбук и впервые откинулась на спинку стула.

Праздновать никто не стал. Они проверили утренние договорённости, собрали вещи и спустились. Сайа вызвала машину для них двоих, отдельно от той, которую ждала площадка. Сначала заехали к Марку. Кассиан долго искал нужный карман, прежде чем достал ключ, и на прощание пообещал поспать. Сайа попросила отменить утренние встречи. Он улыбнулся, уже стоя одной ногой на тротуаре:

– Это новое распоряжение?

– Мнение человека, который всю ночь смотрел на тебя. Очень обоснованное.

Он закрыл дверцу. Когда машина тронулась, Сайа оглянулась: Кассиан стоял возле подъезда, задрал голову к окнам, словно вспоминал, где именно у Марка комната. Она доехала домой и легла не закрывая штор. Проснулась ближе к полудню от жары и нашла три сообщения. Водитель отчитался о доставке. Кассиан в девять двенадцать сообщил, что встал, и сразу попросил не спрашивать зачем. В десять ноль три написал, что первая встреча закончилась.

Сайа села на кровати и позвонила. Он как раз ехал на вторую. Отменить её, по его словам, было невозможно, заменить его – некому. Она спорила, пока шла на кухню, ставила чайник и искала хлеб. Потом поняла, что повторяет один и тот же довод, а он отвечает всё тише.

– Ладно. После неё поедешь домой и поспишь.

Кассиан помолчал.

– Куда именно?

Перед Сайей стояла его чашка. Она отодвинула её, достала кастрюлю и открыла холодильник: суп можно было успеть сварить к двум.

– Сюда. Здесь нормальная кровать.

Он переспросил, уверена ли она. Сайа сказала «да» и попросила предупредить, когда закончится встреча. Пока готовила, ловила себя на желании убрать из спальни свои вещи, затем оставляла их на месте. Только сложила лежавшую на покрывале рубашку и перенесла книгу на тумбу. Кассиан приехал после двух, с пиджаком через руку. Ел молча и несколько раз терял нить её короткого рассказа про кружку, которую она утром едва не разбила.

После еды он взял тарелку, но Сайа отобрала её и отправила его спать. У кровати Кассиан остановился. Провёл пальцами по краю покрывала и предложил лечь на диване. Сайа поняла, что последний раз он спал здесь до первого июня, и ей стало неловко за собственную деловитость. Она положила ладонь ему между лопаток и слегка подтолкнула вперёд.

– Ложись, Кассиан.

Он снял ботинки, расстегнул верхнюю пуговицу и лёг поверх покрывала. Сайа не успела принести воду, как он уже спал. Она постояла у приоткрытой двери. Его плечо подрагивало на вдохе, на щеке темнела отросшая щетина, волосы сзади примялись после машины. Сайа прикрыла дверь и вернулась к письмам. Иногда из спальни доносился шорох; она поднимала голову, прислушивалась и снова печатала.

На рукаве пиджака обнаружилась светлая полоса. Сайа стёрла её влажной салфеткой, повесила ткань просохнуть и только тогда заметила, что за несколько часов выпила одну чашку кофе. Кассиан проснулся почти в восемь. Вышел, шурясь, посмотрел в окно, потом на часы и спросил, давно ли она дома. Сайа засмеялась: она никуда не уходила. Посадила его за стол и поставила чай.

– Я вчера не поблагодарил, – сказал он.

Она отмахнулась. Кассиан посмотрел на неё внимательнее, и Сайа попыталась объяснить, почему ей не хочется выслушивать благодарность за каждую бутылку воды и телефонный звонок. Он дождался, пока она закончит, и сказал только:

– Спасибо, что осталась.

Перед уходом он надел высохший пиджак и не заметил чистого рукава. Сайа не стала показывать. Она проводила его до двери, а потом долго не убирала со стола вторую чашку.

* * *

К двадцать первому июня письма из мастерской уже нельзя было откладывать. Весной местная Сайа взялась помочь с летней программой: помещение, материалы, ведущие, открытый день в конце месяца. Восстанавливая договорённости, Сайа обнаружила, что почти всё сходилось к одному человеку. Ей предлагали взять часть работы, она отказывалась. «Мне проще самой» повторялось в переписке так часто, что Сайа начала заранее искать эту фразу, открывая очередной разговор.

Сначала хотелось отказаться совсем. Потом – выполнить всё в точности, чтобы никого не подвести. Но даже точное исполнение требовало подробностей, которых в письмах не было. Сайа выписала вопросы в блокнот и пошла на встречу с командой. За столом сидели четверо. Двоих она уже видела в июне, с остальными познакомилась заново. На длинном подоконнике сохли кисти, под столом лежали нераспакованные коробки, в окно тянуло нагретой пылью со двора.

Лив перечислила заказанные материалы. Мужчина рядом сообщил, что из-за ремонта два занятия придётся перенести. После этого все посмотрели на Сайу. От неё ждали решения: сохранять плотные блоки по выходным, как она настаивала весной, или всё-таки распределить занятия. Сайа нашла в блокноте нужную страницу. Прежние доводы были разумны – людям не пришлось бы ездить несколько раз за неделю. Она прочла их вслух и попросила остальных повторить возражения.

Лив удивилась. Они уже обсуждали это, причём долго. Сайа сказала, что прочла переписку, но самого разговора не помнит. Пока она говорила, женщина напротив перестала вертеть крышку от ручки. Сайа видела, как людям трудно решить, чего теперь от неё ждать, и постаралась задать простой вопрос: что сорвётся первым, если один ведущий не сможет прийти?

Ответили почти одновременно. Плотные выходные не оставляли времени на подготовку; отменять пришлось бы сразу большой кусок. Лив давно могла вести два блока, ещё один предлагал взять другой человек. Мешало прежнее расписание. Сайа слушала, записывала и постепенно перестала оглядываться на собственные выписки. Она сама ещё не разобралась в половине программы и всё равно собиралась проверять каждую мелочь. Теперь передавать работу было страшно уже по этой причине.

Они просидели два часа. Перенос одного занятия потянул за собой другое, выяснилось, что помещение занято в удобный вечер, а материалы нельзя привезти раньше. Лив позвонила и уточнила даты. Мужчина возле окна пересчитал часы. Сайа отдала два блока Лив, третий – другому ведущему, себе оставила знакомую часть. Рядом с каждым занятием появилось имя. Старый план она перечеркнула, но лист не выбросила: по нему ещё предстояло предупредить тех, кто уже записался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.